

С. М. СОЛОВЬЕВ И РУССКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА

Проф. Н. Рубинштейн

Сто двадцать пять лет назад, 17 (5) мая 1820 г., в Москве родился выдающийся представитель русской исторической науки — Сергей Михайлович Соловьёв.

На 1945 г. приходятся ещё две юбилейные даты жизни и деятельности знаменитого историка: в сентябре исполнилось 100 лет со дня его вступления на кафедру Московского университета, а в октябре — 100 лет со дня защиты Соловьёвым его магистерской диссертации «Об отношении Новгорода к великим князьям», первого большого научного труда, в котором Соловьёв заложил основы своей новой, научной концепции русской истории. Обе эти знаменательные даты в жизни учёного являются также юбилеем и Московского университета и всей русской исторической науки.

Меньше чем два года спустя, в 1847 г. Соловьёв дальше развил свою концепцию русской истории во втором большом труде, в своей докторской диссертации «Об отношениях между князьями Рюрикова дома», а в 1851 г. дал её законченную сжатую формулировку во введении к первому тому «Истории России с древнейших времён».

Двадцать девять томов «Истории», регулярно выходявших один за другим, отмечают последующие двадцать девять лет жизни учёного, долгий путь научного исследования, в процессе которого автор не раз оставался для подведения итогов, для научного обобщения — в отдельных главах «Истории России», или в «Публичных чтениях», или в специальных статьях. Работа над «Историей России» оборвалась вместе с жизнью учёного на последней трети XVIII века. К этому труду прекрасно применимы слова, сказанные Соловьёвым в другой связи: «Великая русская земля требует и работы великой».

В первых же трудах Соловьёв далеко ушёл от своих предшественников, хотя и опирался, конечно, на итоги их работы. Что дала русская историческая наука за предшествовавшие 50 лет? Карамзин, по определению своих младших современников, поддержанных самим Соловьёвым, был историком «не нашего времени» (П о л е в о й), он лишь подвёл итог XVIII веку. Эверс, Каченовский и Арцыбашев дали основы критического метода науки XIX в. — «высшую критику», по терминологии Шлецера. Полевой и Погодин заложили первые основы научно-исторического синтеза; Кавелин, как указал ещё Чернышевский, подошёл к органическому пониманию исторического развития. Наконец, в трудах Грановского и его школы русская историческая наука развернула творческую разработку всемирной истории, создавая тем самым впервые научную общен историческую основу в интерпретации истории России. Но всё это были только обособленные звенья, отдельные элементы. Только в трудах Соловьёва они сомкнулись в одно целое и в новом, органическом единстве получили своё настоящее значение.

Отсюда то определяющее значение, которое труд Соловьёва, его научная концепция имели для всего последующего развития русской бур-

жуазной исторической науки. Об этом неоднократно говорили её лучшие представители.

Ученик и преемник Соловьёва в Московском университете, В. О. Ключевский писал в 1879 г., под непосредственным впечатлением смерти Соловьёва: «Даже при успешном ходе русской исторической критики в нашем учёном обороте надолго удержится значительный запас исторических фактов и положений в том самом виде, как их впервые обработал и высказал Соловьёв»¹.

В 1907 г. Н. П. Павлов-Сильванский, лучший представитель буржуазной исторической науки начала XX в., по-своему пытавшийся преодолеть её ограниченность, определяя историографические истоки своей научной концепции, в книге «Феодализм в древней Руси» также возвращался к Соловьёву.

В 1920 г. эту же мысль развивал А. Е. Пресняков в докладе на юбилейной собрании Союза архивных деятелей, посвящённом столетию со дня рождения С. М. Соловьёва: «Он — центральное лицо всей русской историографии, так как в его труде — итог предыдущей подготовительной работы, итог, сделавший русскую историю наукой и обогащённый огромными результатами собственных изысканий, и так как в его трудах — исходные точки большинства дальнейших течений русской исторической науки»².

Именно научная обобщающая мысль, историко-философская основа труда Соловьёва, а не простое богатство его фактического содержания определили силу и устойчивость этого влияния. Соловьёв — носитель определённого научного мировоззрения. «Изучая крупные и мелкие явления жизни одного народа, — писал Ключевский в 1879 г. в некрологе, — он не терял из вида общих законов, правящих жизнью человечества, коренных оснований, на которых строятся людские общества. Мыслитель укрывается в нём за повествователем, его рассказ развивается на историко-философской основе, без которой история становится забавой праздного любопытства»³.

Между тем приходится признать, что действительное содержание научного мировоззрения Соловьёва оставалось до настоящего времени не раскрытым. Соловьёв был механически включён в состав государственной юридической школы в русской историографии. Может быть, большая доля вины в этом лежит на его ученике, Ключевском, который, пройдя через школу Чичерина, передал систему взглядов Соловьёва в своеобразном преломлении чичеринской схемы.

Изучая наше научное наследство, мы должны определить действительное место Соловьёва в развитии русской исторической науки в середине XIX в., определить то новое и прогрессивное, что внесено в неё Соловьёвым.

При этом необходимо помнить, что Соловьёв был представителем буржуазной исторической науки, отражавшим прогрессивный этап её развития, но, тем не менее, неспособным преодолеть ограниченность её идеалистического миропонимания. Отсюда и ограниченность его научной методологии, которая зачастую даже отставала от его научных обобщений, в силу чего формулируемые им передовые теоретические положения нередко оставались нереализованными в его конкретном историческом повествовании. Но всё же эти передовые идеи были не случайно брошенными мыслями, а элементами единой системы взглядов, выражением определённой направленности научной мысли историка. Этим передовым

¹ Ключевский В. Очерки и речи, стр. 40 М. 1918.

² Цитирую по рукописи.

³ Ключевский В. Указ. соч., стр. 41.

тенденциям и посвящена настоящая статья (в одной статье не могут быть охвачены все стороны научного мировоззрения и научной методологии Соловьёва).

Чем определяется место Соловьёва в развитии русской исторической науки? Осмысление этого вопроса самим учёным значительно помогает его разрешению.

Соловьёв оставил нам богатое историографическое наследство. Здесь он прежде всего определил своё отношение к предшествующей русской исторической мысли. В работе «Писатели русской истории XVIII в.» он внимательно проследил процесс формирования истории как науки на протяжении XVIII в. в России — от Татищева до Болтина. Но в то же время он резко отделял науку XIX в. от науки XVIII века. В Биографическом словаре профессоров Московского университета, в статье, посвящённой Каченовскому, Соловьёв писал о Карамзине: «История государства Российского блестящим образом закончила труды XVIII в., XIX век выставил новые требования». В полемике между сторонниками Карамзина и его критиками из рядов младших современников (Каченовский, Полевой) Соловьёв стал на сторону последних.

В новой науке XIX в. он выделяет прежде всего Каченовского и Эверса как создателей научно-критического метода, как тех, кто научил его «думать над историей». Хотя в его критике Погодина есть элементы личного порядка, но в характеристике его преподавания Соловьёв метко подчеркнул внешнеформальный характер «математической методы» Погодина. Резкой критике подверг он русскую романтическую школу славянофилов, квалифицируя их учение как «антиисторическое направление в истории»¹. Полемика со славянофильством продолжается в работах Соловьёва вплоть до 60-х годов. Личная дружба и научное содружество связали его с Грановским — Кавелиным 40-х годов. Прямых отзывов о русской государственной школе и о позитивизме в русской исторической науке мы у Соловьёва не находим. Но этот пробел частично восполняется его высказываниями о западноевропейской историографии.

Здесь на первом месте то же разграничение исторической науки XVIII и XIX веков. Оно резко выражено в работе «Император Александр I. Дипломатия. Войны»². Наука XVIII в. и по существу отражает устаревшую идеологию родовитого дворянства; Соловьёв заносит в тетрадь запись о Буляньвиле, дворянском историке предреволюционной Франции: «Это был дворянин (вроде нашего Карамзина), который отыскивал в истории документы о свободе дворянства против власти королевской и презирал народ»³. Его симпатии скорее всего на стороне французской исторической школы, в частности Гизо. С деятельностью Гизо связано прогрессивное течение молодой буржуазной науки 20—30-х годов XIX в., как показал Плеханов в своём труде «К вопросу о развитии материалистического взгляда на историю»⁴.

Рядом с этим стоит резко отрицательное отношение к немецкой исторической школе этого периода, на которой Соловьёв, впрочем, лишь кратко остановился в своих «Записках». Нельзя при этом не вспомнить глубокого внутреннего различия между философско-исторической направленностью мысли Соловьёва и методологией Ранке, который на первое место ставил внешнюю фактичность — «то, как это действительно происходило» («wie es eigentlich gewesen»). В лице Рия Соловьёв

¹ Соловьёв С. Шлецер и антиисторическое направление в истории. Изд. «Общественная польза».

² Наиболее характерную цитату см. дальше.

³ Цит. по рукописям Государственной библиотеки СССР имени Ленина, фонд Соловьёва, VI(9)6.

⁴ Резко критическое высказывание Маркса о Гизо относится уже к середине XIX века.

подвергает резкой критике узкий национализм и антиисторизм немецкой романтической историографии¹. Его ограниченность он производит «от узкого представления народности, от мелкой, недостойной великого народа вражды, зависти к другим народам»².

На Соловьёва, безусловно, оказала значительное влияние философия истории Гегеля. Об этом влиянии сам Соловьёв говорит в своих автобиографических «Записках». Отражение философско-исторических идей Гегеля особенно последовательно сказалось в той схеме всемирной истории, которая дана Соловьёвым в «Наблюдениях над исторической жизнью народов». Широкое влияние философско-исторической концепции Гегеля отмечалось также во всей европейской историографии. Начало историзма, отмечающее первый этап её развития, сблизило её с передовой мыслью молодого буржуазного общества, рождённого революционной борьбой конца XVIII века. Однако важно то, что в формировании исторических взглядов Соловьёва влияние Гегеля встретилось с влиянием молодой исторической школы Франции; без него нельзя понять сущность исторической методологии Соловьёва. «Общество, его состав, образ жизни отдельных лиц в зависимости от их социального положения, отношения различных классов, лиц, словом, гражданский быт людей» — эта программа конкретного исторического изучения, сформулированная в 1821 г. Гизо, горячим поклонником которого Соловьёв был на протяжении всей своей научной деятельности, как нельзя лучше определяет программу исторических работ Соловьёва. Отсюда же и проблема поземельных отношений (теория вотчинного начала) и проблема города (начиная с вопроса о южных и северных городах) в исторической концепции Соловьёва.

В системе исторических взглядов Соловьёва влияние французской исторической школы, тема гражданского быта противостоят всесилию государственного начала, которое в конечном итоге привело к идеализации прусской монархии у Гегеля, к торжеству реакционных начал у правых гегельянцев.

Особый интерес представляет переход Соловьёва от критики своих предшественников к критике новых, более молодых научных течений. Я имею в виду отношение Соловьёва к позитивизму в исторической науке и, в частности, к Боклю.

В нашей историографии существует традиционное утверждение о влиянии Бокля на Соловьёва. Это утверждение мы находим даже в упоминавшейся уже работе Павлова-Сильванского. Это связано, очевидно, с положениями о роли природных условий в историческом развитии человеческого общества. Но, во-первых, самое признание географического фактора предшествует Боклю: оно пришло в Россию ещё от Монтеスキё, дополнено влиянием К. Риттера и нашло широкое отражение в Московском университете; специальные вопросы о роли географического фактора и об исторической географии ставились и на магистерском и на докторском экзаменах Соловьёва. Во-вторых, самая постановка вопроса у Соловьёва и Бокля принципиально разная: для Соловьёва природные условия никогда не бывают решающим фактором, они только тормозят или ускоряют темпы развития, и их влияние падает по мере развития человеческого общества.

Однако вопрос этим не ограничивается. В работе Соловьёва «Наблюдения над исторической жизнью народов» мы находим прямую и очень принципиальную критику теории и методологии Бокля. Если, с одной стороны, Соловьёв свободен от узости учения Бокля о роли природного фактора, то, с другой, он не менее решительно отвергает и крайний интеллектуализм боклевского понимания «Истории цивилизации».

«Прежде чем следить за интеллектуальным развитием в стране,— пишет Соловьёв.— надобно уяснить: что сделало эту страну способной к интеллектуальному развитию, какие условия подготовили известную

¹ Соловьёв С. Соч. «Исторические письма».

² Там же, стб. 864.

почву для интеллектуального развития». И далее: «Значит, важное значение имеют известные отношения и без интеллектуального развития»¹.

Конечно, Соловьёв, как представитель буржуазной науки, стоял на идеалистических позициях в конкретной трактовке исторического процесса. Но тем существеннее принципиальная тенденция преодолеть её внутреннюю ограниченность. Мы увидим далее, как мыслил он себе практическую реализацию этих начал.

Что же противопоставлял Соловьёв всем этим различным направлениям, в чём видел он позитивную сущность своего нового направления в исторической науке?

Историзм — таков принципиальный смысл его неоднократных высказываний по этому вопросу. В работе «Император Александр I. Дипломатия. Войны» Соловьёв, очень далёкий от каких-либо революционных идей и симпатий, начинал новый период в истории общественной и научно-исторической жизни Европы, и России в том числе, с французской революции 1789 года. Сущность этого нового периода XIX в. Соловьёв определял так: «Отсюда великое научное движение; отсюда ясное сознание великого значения исторической науки; отсюда господство исторического метода; отсюда стремление к изучению народности, изучению самому подробному, микроскопическому», отсюда и «понимание полноты жизни человеческой, её органического развития»².

В 1856 г., выступая с речью на столетнем юбилее рождения Карамзина, он формулировал эту же мысль применительно к русской исторической науке своего времени: «Каждому дню его работа, каждому веку его труд; нашему времени завещано собрать воедино все части русской истории, найти их смысл и примирить все эпохи» («примирить» — значит установить внутреннюю связь между ними).

О том же говорил он в уже упоминавшейся статье о Каченовском: «XIX век выставил новые требования... Первое дело, которым должна была теперь заняться наука, состояло в том, чтобы уничтожить... смешение эпох, выставить каждую из них с соответствующим ей характером, уяснить, таким образом, постоянный ход истории, преемство явлений, естественный, законный выход одних явлений из других, последующих из предыдущих».

Наконец, хорошо известно положение, данное Соловьёвым в предисловии к I тому его «Истории», — принцип единства рассмотрения целого: «Не делить, не дробить русскую историю на отдельные части, периоды, но соединять их, следить по преимуществу за связью явлений, за непосредственным преемством форм»³.

Этот принцип историзма получает у Соловьёва конкретную реализацию как учение об историческом процессе, об органическом единстве исторического развития. В трактовке Соловьёва оно получает сразу двойное решение. Прежде всего это — учение о процессе развития как прогрессе, развивающее наиболее прогрессивное наследие передовой научной мысли просветителей XVIII века. Этот принцип вырождается в условиях XIX в., когда буржуазия пугается революционной сущности исторического развития и начинает искать спасения в фактологии. Напротив, Соловьёв неоднократно подчёркивает, что «новое начало получает непосредственно своё питание от начала, только что перед тем выработанного; в истории нет эпох пустых, нет эпох, вырабатывающих только какие-нибудь вредные для человечества начала». «В народе никакие исторические события не проходят бесследно, — пишет он дальше, — не подействовав на ту или другую часть общественного организма»⁴. Он ополчается против идеа-

¹ Соловьёв С. Соч., стб. 1122. Изд. «Общественная польза».

² Соловьёв С. Соч., стб. 617.

³ Соловьёв С. «История России». Т. I. Ч. 1-я, стб. 1.

⁴ Соловьёв С. «Исторические письма». Соч., стб. 855—856.

лизации прошлого, усматривая в этом сомнение относительно будущего, он видит в этом «отставание исторического самосознания общества».

Но в то же время в отличие от рационалистической теории прогресса XVIII в. (сведённой к «идеальной», абстрактной сравнительной оценке последовательно сменяющихся эпох, к утверждению конечной идеальной цели) эта концепция Соловьёва опирается на признание внутренней закономерности, причинной обусловленности исторического развития, закономерности самого прогресса. «Естественно и необходимо» — основной принцип исторической жизни и исторического познания для Соловьёва. Пожалуй, такого принципиального единства закономерности и прогресса в понимании исторического развития не достигал до Соловьёва ни один другой буржуазный историк — ни у нас, ни на Западе.

Соловьёв пытается дать и конкретное раскрытие принципа внутренней закономерности исторического развития. В статье «Начала русской земли» он так определяет действительные основы закономерности исторического развития: 1. Природа страны. 2. Природа племени. 3. Ход внешних событий.

О роли природы страны, т. е. о географических условиях в понимании Соловьёва, речь была выше. О природе племени, или этническом начале, подробно будет сказано ниже, в связи с трактовкой Соловьёвым вопроса славянского этногенеза. Отметим только с самого начала, что Соловьёву абсолютно чужды идея национальной замкнутости, националистическая ограниченность этнографизма романтической школы. «Застой — удел народов, особо живущих; только в обществе других народов народ может развивать свои силы, может понимать самого себя»¹. Соловьёв выступает против «узкого представления народности», против «мелкой, недостойной великого народа, зависти к другим народам»².

В общей концепции Соловьёва, несомненно, основным является третье положение — «ход внешних событий». Эта соловьёвская формулировка нередко подвергается абсолютно неверному истолкованию: её понимают буквально как «внешнее» воздействие, как влияние соседних народов. Между тем в рукописном варианте статьи Соловьёва «Наблюдение над исторической жизнью народов» эта формулировка получает значительно более ясное определение, исключающее толкования такого рода. «Из наблюдения над первобытными народами, — пишет Соловьёв, — истекают главные условия народной жизни: происхождение, природа страны, исторические обстоятельства (влияние других народов, ранняя усидчивость, движение, борьба, различный её характер). Все эти условия действуют на развитие, понимаемое в нашем смысле»³.

«Происхождение» — это «природа племени» первой формулировки; «природа страны» повторена в обеих формулировках. Но вместо «внешнего хода событий» Соловьёв здесь употребляет выражение «исторические обстоятельства» и затем раскрывает это понятие как совокупность всех явлений общественной жизни вообще. «Влияние других народов» даётся здесь как частный момент в общей совокупности явлений, причём из приводившейся выше формулировки об исторических связях между народами явствует, что оно приобретает отнюдь не «внешний» характер.

В такой формулировке это положение тесно связано с неоднократными утверждениями Соловьёва о необходимости рассматривать исторические явления в системе всей совокупности исторических отношений. Это положение формулировано и в приведённом определении методологических основ исторической науки XIX в. в статье о Каченовском. Об этом говорится и в тексте введения к I тому «Истории России», частично приведённом выше: «Не разделять начала, но рассматривать их во взаимодействии, стараться объяснить каждое явление из внутренних

¹ Соловьёв С. «Наблюдения над исторической жизнью народов», стб. 1125.

² Соловьёв С. «Исторические письма», Соч., стб. 864.

³ Цит. по рукописи Ленинской библиотеки.

причин, прежде чем выделить его из общей связи событий и подчинить внешнему влиянию, — вот обязанность историка в настоящее время, как понимает её автор настоящего труда»¹.

«Обязанность историка — показать причины, почему одно начало действует на первом плане, а другое действует слабо, медленно», — возвращается Соловьёв к тому же вопросу в «Исторических письмах». «Историк, увлекаясь каким-нибудь сочувствием, не вправе переменять явления по произволу, не смеет поставить на первом плане то, что на нём не находится, ибо настоящее сейчас же обнаружит фальшь»².

Это осознание внутренней связи и единства исторических явлений выдвигает вместе с тем задачу преодоления того внутреннего разрыва, который буржуазная научная мысль вносила в отношения между отдельными сторонами исторической жизни.

Соловьёв выступает против отрыва интеллектуального развития от материальных условий, включая сюда и экономическое развитие, уже осознаваемое Соловьёвым, хотя, конечно, ещё далеко не так остро и резко, как у историков второй половины XIX века. «Интеллектуальное развитие, — пишет он, — приходит... как новая сила, с могущественным влиянием на все другие отношения, но, как обыкновенно бывает в истории, и само подчиняется влиянию других отношений»³.

Таким же образом, в связи с полемикой между государственниками и славянофилами, Соловьёв выступает против «незаконного развода народа с государством»: только в их взаимной связи раскрывается действительное историческое развитие народа и государства.

Наконец, и в вопросе о роли великих людей Соловьёв утверждает тесную связь между исторической личностью и народными массами: исторические «лица будут важны единственно по тому, что они принесли с собою из массы и что сообщили массе их дарования»⁴. «Великий человек даёт свой труд, но величина, успех труда зависит от народного капитала, от того, что скопил народ от своей предшествовавшей жизни, предшествовавшей работы»⁵, — говорил Соловьёв о Петре I.

В этих высказываниях выявляются одновременно сильная и слабая стороны учения Соловьёва. Сила Соловьёва заключается в стремлении избежать произвольного искажения исторической действительности в условной социологической схеме, в утверждении целостности общественной жизни и органичности исторического развития.

Но дать органическое решение проблемы действительной взаимосвязи отдельных элементов исторического процесса Соловьёв не может. В утверждении «неделимости» исторического процесса заключается у Соловьёва не только положительный принцип органичности исторического развития, но, в конечном счёте, и признание собственной беспомощности в научном раскрытии его конкретной закономерности. Требование непосредственной фиксации конкретной исторической действительности во всем многообразии частных явлений, не отступая от данного историком соотношения событий, не выделяя их из данной ему связи, означало в конечном счёте отказ от анализа действительных законов исторического развития, настоящих движущих сил истории. Это определялось идеалистической сущностью мировоззрения Соловьёва. Отсюда его решительное отрицание материалистических начал как «полного подчинения человека, его духовной деятельности, его нравственных, чисто человеческих отношений — материи»⁶.

Без научного анализа явлений невозможен и завершающий научный синтез. Неспособный определить действительное движущее начало исто-

¹ Соловьёв С. «История России». Т. I, стб. 1.

² Соловьёв С. Соч., стб. 895.

³ Соловьёв С. «Наблюдения...», стб. 1122.

⁴ Там же, стб. 1126.

⁵ Соловьёв С. «Публичные чтения о Петре Великом», стб. 974.

⁶ Соловьёв С. «Исторические письма». Соч., стб. 859.

рического развития, Соловьёв не мог разрешить противоречия теории факторов и в поисках конечного единства должен был придти к признанию первенства идеалистических начал. Так, отрицая «развод народа с государством», Соловьёв в конечном итоге говорит, что «государство есть необходимая форма для народа, который немислим без государства»¹. Именно отсюда и конечное фактическое отождествление народной массы с её «вождями», «представителями»².

Так, в самом развитии научной мысли Соловьёва, в её принципиальных основах, определяются теоретические, методологические границы этого развития.

Новая теория явилась источником и нового понимания русского исторического процесса.

Из утверждения общей закономерности исторического развития вытекало признание единства закономерности исторического развития России и других стран, истории России и истории Западной Европы, включение истории России в процесс всемирноисторического развития.

Правда, отдельные высказывания в этом плане имели место и раньше. Так, об однородности феодального развития в России и на Западе, в той или иной мере, писали и Болтин в XVIII в., и Каченовский, и Полевой в XIX веке. Но всё это были лишь частные сравнения, лишь стдельные элементы. А затем именно с 40-х годов усиливается противоположное направление. Славянофилы и Погодин решительно развивают антитезу России и Западной Европы. В двойственной по духу концепции Кавелина также в конечном счёте верх берёт теория антитезы. Она решительно побеждает на базе государственной теории у Чичерина, чтобы перейти через него в последующую историческую литературу — к Ключевскому, Милюкову и через них, в сущности, и к Плеханову («История русской общественной мысли»).

Соловьёв утверждает единство истории России и Западной Европы как единое и основное принципиальное начало. «Пора бросить старые толки о различии наших и западных общественных отношений»³, — пишет Соловьёв. «Мы европейцы, и ничто европейское не может быть нам чуждо»⁴, — пишет он в другом месте, перефразируя известную поговорку.

На этой стороне исторической концепции Соловьёва остановился в своё время Павлов-Сильванский в упоминавшемся уже историографическом введении к книге «Феодализм в древней Руси», но и у него эта тема скорее намечена и далеко не решена конкретным исследованием.

Значительно более распространено в нашей историографии представление о якобы полной антитезе у Соловьёва между Западом и Россией, преодолеваемой только со времён Петра I. Именно в этом плане трактуется, в частности, первая глава XIII тома «Истории России».

А между тем именно в идее единства истории России и Западной Европы получают своё настоящее осуществление теория исторической закономерности и та новая концепция русской истории, которую внёс в науку Соловьёв. И это вторая ведущая тема исторического наследия Соловьёва.

Первый вопрос в раскрытии этой темы — вопрос «происхождения племени» — этногенеза славянства. К этому вопросу Соловьёв сразу же подходит в плане общей проблемы этногенеза исторических народов Европы.

В начале 40-х годов, готовясь к своему магистерскому экзамену,

¹ Соловьёв С. «Наблюдения...», стб. 1126.

² Там же, стб. 1127.

³ Там же.

⁴ Соловьёв С. Соч., стб. 887.

Соловьёв остановился на обширной литературе о происхождении и прародине пелазгов. Вспоминая об этом много позже в своих «Записках», он пишет, что видел в древнем мире Европы антитезу двух начал: пелазгов (включавших и славян) — носителей родового начала — и эллинов — носителей начала дружинного. Но эта, видимо, уже поздняя схема очень далека от значительно более интересных высказываний, которые мы находим в записных тетрадах Соловьёва того времени¹. В этих записях, останавливаясь на научной дискуссии о пелазгах, он решительно отвергает учёные изыскания о их прародине. Согласно Соловьёву, пелазги — это не один какой-то маленький народ юга Европы, потом покорённый и уничтоженный, а первоначальное наименование того древнейшего населения Средиземноморья, из которого в процессе дальнейшего развития и внешних смещений образовались все позднейшие народы Южной Европы; в этом смысле они одинаково являются предками и римлян и греков.

Распространяя, далее, эту мысль на вопрос об этногенезе славянства, Соловьёв выдвигает гипотезу, согласно которой славяне на севере и востоке Европы играют ту же роль основного и первичного этнического начала, какую пелазги играли на юге. Впрочем, в решении этого последнего вопроса Соловьёв намечает разные варианты. Наиболее подробно он изложил свою мысль в критических замечаниях на труд Шафарика «Славянские древности», изучавший им в бытность в Париже. Эти замечания составили особую тетрадь².

Соловьёв говорит о длительном этногенетическом процессе, в ходе которого на определённом историческом этапе сложился народ, получивший от соседей имя славян. Это развитие народа на границе Европы и Азии получилось, по Соловьёву, в результате двойного процесса: сперва «врыв Азии в Европу», затем обратный процесс — «обратное господство европейского элемента, врыв Европы в Азию через русские и раздвинутые границы Европы».

И дальше: «Итак, славяне суть народ, называвшийся прежде скифами, сарматами, гуннами, по преимуществу азиатского элемента, по причине приплыва азиатских орд; потом, когда сей элемент начал перерабатываться в европейский, то его называли славянами». При этом Соловьёв отрицает и массовый характер азиатского «переселения»: «Южные азиатские народы никогда не переселялись в Европу».

Эти высказывания Соловьёва отнюдь нельзя рассматривать как случайную, мимоходную запись. Мы находим прямое развитие этих идей в той характеристике славянорусского мира, как европейской «украины», которую он развивает и в своих общедоступных чтениях 50-х годов и в «Наблюдениях над исторической жизнью народов» конца 60-х годов. В этом «украинном» положении, объединяющем в славянстве азиатско-восточное и европейско-западное начала, он видит прогрессивную силу славянства, его особое культурное богатство, в котором осуществляется синтез восточной и западной культур.

Это положение он также вводит в общую систему всемирноисторической закономерности. Такой «украиной» античного мира, объединявшей Запад и Восток, была древняя Эллада. Такой «украиной» раннего средневековья на югозападе Европы явился мавританский мир на Пиренейском полуострове. И такой же наиболее мощной «украиной» выступает в дальнейшем славянский мир.

Насколько далеки эти представления от той антитезы арийцев и азиатцев, которая находится в поздних литографированных лекционных курсах Соловьёва и в которой зачастую видят выражение националисти-

¹ Копии этих тетрадей, снятые его учеником Нилом Поповым, собиравшим материал для его биографии, хранятся в Рукописном отделе Библиотеки имени Ленина.

² См. Рукописный отдел Библиотеки имени Ленина. «Соловьёв». Разд. VI, папка 9-я, тетрадь 4-я.

ческой, чуть ли не расистской теории! В действительности у Соловьёва это — лишь условное, схематическое обозначение антагонизма и борьбы славянского мира со степными кочевниками. Действительная этногенетическая концепция Соловьёва дана не здесь, а в рассмотренной выше широкой исторической трактовке общей проблемы европейского этногенеза.

Первый этап русской истории Соловьёв определяет в духе гегелевской всемирноисторической схемы как богатырский, или героический, период. Но на этом этапе он специально не останавливается.

Второй этап, обозначаемый обычно как период истории Киевской Руси, Соловьёв характеризует как период родового строя. Мне пришлось уже в другом месте показать, что самое понимание родового строя у Соловьёва значительно содержательнее и сложнее, чем это обычно представлялось в литературе¹. Отмечу только, что в понимании родового строя как исторического этапа Соловьёв остаётся на почве единства всемирноисторической концепции. Едва ли правильно упускать из виду эту сторону в столкновении родовой теории Соловьёва с общинной теорией славянофилов.

В концепции Соловьёва период родового строя сменяется вотчинным периодом, характеризующимся прежде всего утверждением начала земельной собственности, борьбой родового и государственного начал. Это период XII—XVI вв. — период развития феодализма в Западной Европе. Отрицание феодализма в России прочно утвердилось в русской буржуазной историографии до Павлова-Сильванского, в частности у историков, считающихся «школой Соловьёва», — Ключевского, Милокова и др.

Как ставится этот вопрос у Соловьёва? Отметим прежде всего, что он решительно отвергает принятые в его время определения этого периода. Он отвергает деление на монгольский и тюркский периоды как подчиняющее русское историческое развитие внешнему фактору, не имеющему органического значения: «Это название может быть допущено только тогда, когда мы берём одну внешнюю сторону событий... Новый порядок вещей начался прежде монголов и развивался естественно вследствие внутренних причин». Точно так же отбрасывает он и термин «удельный период» как отражающий лишь юридическую, внешнюю сторону исторического процесса, не захватывая основ народной жизни, «не обнимающая всех сторон княжеских отношений». Соловьёв говорит о борьбе родовых и государственных отношений и связывает её историю с развитием «отдельной собственности»².

Как указано, Соловьёв характеризует этот период борьбой родового и государственного начал. Но при этом понятие родовых отношений применительно к данному периоду оказывается поставленным в особое соотношение к системе феодальных отношений. «Феодальная цепь на Западе и родовая связь на Востоке... эти две могущественные связи так могущественны, что в состоянии сохранить государственное устройство... Феодализму на Западе и родовым отношениям на Востоке бесспорно принадлежит опека над новорожденными европейскими обществами в опасный период их младенчества»³.

Итак, получается скорее сопоставление, чем противопоставление этих двух систем. Добавим, что ещё ранее, в статье «О местничестве»⁴, Соловьёв в этой системе служебно-родовой иерархии (а по сути дела, проявлении феодального вассалитета) видит тоже последний пережиток

¹ См. мою статью «Сергей Михайлович Соловьёв». «Историк-марксист» № 3 за 1939 г. и соответствующую главу моей книги «Русская историография».

² См. Вступление к работе С. Соловьёва «История отношений между русскими князьями Рюрикова дома». М. 1847.

³ Соловьёв С. «История России». Кн. 1-я, стб. 1342—1343.

⁴ Московский литературный и учёный сборник. М. 1847.

прежнего родового строя в его противопоставлении государственному началу.

Родовым отношениям противостоит вотчинное начало как основа торжества государственных отношений. «Новый порядок вещей» связывается с торжеством понятий «моё», «собственное», появившихся в XII в. и отразившихся в политике Андрея Боголюбского. Это специальные положения соловьёвской концепции. В то же время Чичерин, в отличие от Соловьёва, решительно противопоставляет друг другу вотчинный и государственный периоды, вотчину и государство. Утверждение, определяющее значение землевладельческого начала, не должно ли быть поставлено в связь с той ролью, которая отводится землевладению в понимании феодализма у Гизо, труды которого так высоко ценил Соловьёв? Павлов-Сильванский почему-то прошёл мимо этого положения. Он отметил только в позднейшей работе Соловьёва («Публичные чтения о Петре Великом») другое сближение поместий и феодального землевладения — установление Соловьёвым различия в России института закладничества — патроната.

Далее, в развитии государственного начала, подчёркивая, в качестве решающего фактора рост народных сил (причины возвышения Москвы), Соловьёв вразрез с современными ему историками значительно отходит от традиционной характеристики князей, собирателей Руси. В его изображении выступает перед нами князь-вотчинник. «Все они похожи друг на друга, — говорит он о московских великих князьях, — в их бесстрастных лицах трудно уловить историческую характеристические черты каждого; все они заняты одною думою, все они идут по одному пути, идут медленно, осторожно, но постоянно, неуклонно; каждый ступает шаг вперёд перед своим предшественником, каждый притогивает для своего преемника возможность ступить ещё шаг вперёд»¹. Впоследствии эта характеристика появляется уже в несколько преобразённом виде в «Курсе русской истории» Ключевского, утратив при этом своё общественно-историческое содержание.

Наконец, Соловьёв обращается к вопросам общественного быта и идеологии и здесь также находит единство развития России и Западной Европы. В статье «Древняя Россия», говоря о былинном эпосе, о Василии Буслаеве и о «хождениях» — путешествиях к «святым местам», — Соловьёв тут же возвращается к утверждению общего принципиального вывода: «Эти два образа, богатырь (или рыцарь) и монах, суть два господствующих образа средних веков»; в них «не только характер древнего русского человека, но и характер средневекового европейца вообще»².

Ограниченность буржуазно-идеалистического метода и здесь не позволила Соловьёву сомкнуть все указанные элементы в одно целое, обобщить свои наблюдения и завершить их в прямом признании русского феодализма. Но все наблюдения Соловьёва идут в одном направлении — установлении органической однородности параллельных исторических процессов на Западе и в России.

И далее, разрешение борьбы родового и государственного начал, торжество государства (мы скажем сейчас — феодально-абсолютистского начала) при Иване Грозном оказывается сопоставленным с осуществлением государственного единства во Франции при Людовике XI.

То новое понимание роли Ивана IV, которое утверждается в русской историографии именно Соловьёвым, начиная с его докторской диссертации «История отношений между русскими князьями Рюрикава дома», и получает полное развитие в VI т. «Истории России», быть может, даже

¹ Соловьёв С. Соч., стб. 837.

² Там же, стб. 796—797.

подготовлено предварительными наблюдениями над историей Западной Европы.

Из упоминавшихся уже тетрадей Соловьёва 40-х годов мы узнаём о его особом интересе к истории Франции XV века. Он специально подчёркивает роль Генеральных штатов середины XV в. в борьбе с местной обособленностью, и прежде всего в ликвидации разделения юга и севера — областей *langue d'oc* и *langue d'oïl*. Людовик XI закрепляет это сближение. Уже, правда, в позднем литографированном курсе лекций Соловьёва, относящемся к середине 70-х годов, находится своеобразное возрождение этой схемы применительно к русской истории. Иван IV, по словам Соловьёва, уничтожил разницу и обособленность южнорусского и севернорусского типов, южного и северного городов. Самая постановка вопроса могла быть подсказана Соловьёву Костомаровым, который как раз в статьях 60-х годов развил свою теорию противопоставления северного и южнорусского психологического и исторического типов. Но на этой основе первоначальная параллель между Иваном IV и Людовиком XI получила принципиальное завершение.

В центре следующего периода стоит Пётр I с его реформами. При этом, однако, Соловьёв подчёркивает, что первую половину XVIII в. нельзя отделить от XVII века¹. И здесь на первом плане подчинение всей деятельности Петра общим законам исторического развития.

Здесь прежде всего стоит вопрос о социально-экономическом содержании и предпосылках петровских реформ. По Соловьёву, реформы Петра I в значительной мере «подготовлены» экономической неразвитостью России, которая поэтому и требовала крутых мер. В качестве таких моментов отсталости, требующих преодоления, Соловьёв выдвигает прежде всего внутреннюю неразвитость земледельческого государства вообще, слабость русского города, необходимость развития промышленности и торговли. В этом высказывании характерен прежде всего самый факт признания определяющей исторической роли экономических и социально-экономических условий. Далее, характерно то, что здесь речь идёт о тех самых элементах, которыми Соловьёв в другом месте (при этом в основном правильно) определяет основные черты нового (капиталистического) этапа всемирной истории: он — результат «экономического переворота в народной жизни, промышленного и торгового развития, появления имущества движимого, денег, позже — недвижимого, земли»; этот новый этап связывается с «освобождением земледельческого сословия» с появлением вольнонаёмного труда вместо обязательного крепостного.

Если, таким образом, социально-экономическая реформа Петра I должна осуществить для России её экономическое вступление в период новой истории, то и культурные и идеологические реформы Петра, осуществляемый им «культурный переворот» на самом деле остаются в рамках всё той же общеисторической закономерности. Соловьёв последовательно развёртывает этот тезис в своих «Публичных чтениях о Петре Великом». Именно в этом плане стремится он разрешить внешнее противоречие единства национального культурного развития и заимствования западноевропейской культуры. По Соловьёву, на определённом этапе своего развития, на переходе к новому времени, все народы находили в наследстве чужой культуры определённый источник нового, творческого развития своей культуры. Италия эпохи Возрождения нашла этот источник в наследстве античной культуры; другие народы Европы — в освоении культуры итальянского Ренессанса; в Польше даже язык памятников XVI—XVII вв. временно превратился в своеобразное смешение польского и латинского языков. Всё это явления органического

¹ Соловьёв С. «История России». Т. I. Введение.

² Соловьёв С. Соч., стб. 983. «Публичные чтения о Петре Великом».

роста, имеющие место в жизни каждого народа и не нарушающие единства его исторического развития¹.

Последний период русской истории охватывает вторую половину XVIII в. и первую половину XIX века. Полной и систематической истории этого периода Соловьёву дать не удалось. После эпохи Петра I историк вступал в совершенно не изученный период нашей истории, где приходилось начинать с самой черновой работы — собирания фактического материала.

Создавшийся пробел частично восполняется специальными исследованиями историка. Тема этих исследований — история международных отношений России, прежде всего её роль в общеевропейской истории. Таковы «История падения Польши», «Император Александр Первый. Дипломатия. Войны», «Восточный вопрос». В этой тематике отчётливо проявляется принципиальное сосредоточение внимания на вопросах международных связей как органически характеризующих период новой истории в развитии всех народов мира, в «расширении арены мировой истории»: «Только в обществе других народов народ может развивать свои силы, может познать самого себя». Именно развитием народности, решающей ролью самого народа в исторической жизни характеризуется, по Соловьёву, история XIX века. Представление о единстве исторического развития европейских народов, распространяющемся и на Россию, с особенной отчётливостью выступает в работе «Император Александр Первый. Дипломатия. Войны».

Конечное содержание этого единого развития заключается в переходе от дворянской к буржуазной системе отношений. Поворотное значение французской буржуазной революции 1789 г. для истории всех европейских народов, данное в указанной работе, получает вместе с тем определённую конкретизацию в ряде специальных наблюдений и характеристик, в записных тетрадях Соловьёва и в его автобиографических «Записках».

Такова прежде всего характеристика екатерининской монархии как просвещённого абсолютизма, подобно другим европейским монархиям XVIII века. Тогда же, в начале 40-х годов, прочитав знаменитый памфлет Сийеса «Qu'est-ce que le tiers-état?», он снова тотчас же обращается к истории России и записывает: «и это хорошо написано. А у нас-то какую штуку можно написать», — тем самым подчёркивая факт буржуазного развития России в этот период.

И, наконец, в этом же социальном плане лежит его трактовка реформ 60-х годов. Не случайно Соловьёв в своих «Записках» сравнивает Александра II и Людовика XVI, ещё раз подчёркивая общность, однородность совершающихся событий. И если умеренно либеральные политические взгляды Соловьёва заставляют его бояться революции и мечтать о реформах «сверху», о царе-реформаторе типа Петра I, то учёный-историк говорит об исторической неизбежности утверждения нового, буржуазного строя в России, если не «сверху», то «снизу», и проблема буржуазных реформ становится стержнем понимания Соловьёвым современной ему истории России, понимания им всего русского исторического процесса.

С этой последней темой Соловьёв вступал уже непосредственно в современность. И в этом ещё одно характерное проявление историзма его научной мысли. Буржуазный историк чем дальше, тем решительней отмежевывается от современной действительности, прикрываясь идеей формального «объективизма» научной мысли, так остро разоблачённого

¹ Особенно чётко сформулировано это положение в рукописных набросках Соловьёва к «Публичным чтениям».

Лениным¹, теорией «чистой» науки. Соловьёв, напротив, видит творческое начало в тесной связи, во взаимодействии и взаимном влиянии науки и жизни. «Жизнь имеет полное право предложить вопросы науке; наука имеет обязанность отвечать на вопросы жизни», — писал Соловьёв в 1858 г. в «Исторических письмах», своего рода историческом введении к поставленному в порядок дня вопросу о крестьянской реформе. «Столько важных вопросов возбуждено в науке и в жизни, — продолжает он там же. — Жизнь так много требует от науки, настоящее требует так много объяснений от прошедшего»². Таким ответом на «вопросы жизни» являлись в той или иной мере многие работы Соловьёва; таким ответом была в значительной мере и «История России», в которой не случайно тема петровских реформ стала главным вопросом всего понимания русской истории.

Большой научный труд Соловьёва должен был найти своё завершение в подведении конечного итога большого исторического пути русского народа, в свете тех же основных начал — начала прогресса и начала всемирноисторического развития.

В ходе развития народной жизни и роста всемирноисторических связей, именно в середине XIX в., со всей остротой был поставлен вопрос о месте России в этом общем процессе, о её исторических судьбах. Соловьёв нашёл его решение в глубоком сознании, что «новое бесконечно выше старого именно возможностью... народного самосознания, приоткрытого знанием вообще, знанием, которое досталось нам вследствие многотрудного подвига наших предков»³.

И в этом сознании не было той национальной замкнутости и исключительности, которая ведёт к стремлению искусственно «расцветить и разукрасить» старину, «нашить яркие заплатки на... простую одежду наших предков», по выражению Соловьёва. В такой искусственной идеализации Соловьёв видел лишь источник косности и застоя: «Читатель, видя общество расцвеченным вначале и не находя соответствующих этому явлений после, необходимо приходит к мысли, что общество не преуспевало, но шло назад»⁴.

Сила и значение народа в его исторических делах. Эти дела выступают особенно ярко именно в свете мировой истории. «Брошенные на край Европы, оторванные от общества образованных народов, в постоянной борьбе с азиатскими народами... русские люди неутомимо совершали своё великое дело»⁵.

Это было делом культурного освоения огромных просторов Восточной Европы и Азии в упорном труде и в постоянной борьбе с вражеским напором с Востока.

Историк не закрывает глаз на определённые тяжёлые последствия этого трудного исторического пути. Но не ими измеряются подлинная сила и значение народа. Настоящая историческая жизнь в движении, в прогрессе, и эта сила движения и прогресса лишь закалялась и крепла в трудной борьбе. «Древнее русское общество имеет бесспорно много чёрных непривлекательных сторон; но должны ли они смущать нас, когда мы знаем, что предки не мирились с этими сторонами, искали средства избавиться от них, нашли и передали его нам»⁶. «Ни один век нашей истории, — свидетельствует Соловьёв, — не может быть признан веком косности».

¹ См. Ленин. Соч. Т. I. «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве», особенно стр. 275—276.

² Соловьёв С. Соч., стб. 849 и 887.

³ Там же, стб. 808. «Древняя Россия».

⁴ Там же, стб. 805—806.

⁵ Там же, стб. 803.

⁶ Там же, стб. 805.

В сознании творческих сил и творческой деятельности, раскрывающихся в ходе исторического развития нашей страны, не только познавательная, но и действенная сила историзма Соловьёва, которая сообщает его научному труду, несмотря на ограниченность идеалистических основ его исторического мировоззрения, значительную жизненность и силу. Последующая буржуазная историческая наука обогатила наше историческое знание изучением новых, выдвинутых на первый план ходом исторического развития сторон исторической жизни, оставшихся в тени в трудах Соловьёва. Но она не могла уже подняться до того осознания необходимого научного синтеза, который отражён всей исторической системой Соловьёва. Этим же определяется действительное место Соловьёва на пути развития исторической науки. Самая задача исторического синтеза, которую он уже осознал, но разрешить не мог, получила своё решение только в великом учении Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина, в системе исторического материализма.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ